

А.В. Амфитеатров

Женское нестроение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Женское нестроение / А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требованию, 2015. –
403 с.

ISBN 978-5-517-99069-3

3-е издание, дополненное.

ISBN 978-5-517-99069-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оборьбѣ съ проституціей.

I.

Опять газеты полны разговорами о борьбѣ съ развитіемъ проституціи, объ уничтоженіи торга бѣлыми невольницами, о правилахъ для одиночекъ, квартирныхъ хозяекъ, объ охранѣ отъ разврата малолѣтнихъ и т. д. Собираются и ожидаются съѣзды, слагается союзъ «защиты женщинъ», готовятся проекты, сочиняются рѣчи, пишутся статьи. Сколько хорошихъ словъ, благихъ намѣреній, — надо отдать справедливость, — весьма часто переходящихъ и въ доброжелательные поступки, и въ полезныя пробныя мѣропріятія! И изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе повторяется одна и та же исторія: доброжелательные поступки приводятъ къ результатамъ чуть ли не обратно противоположнымъ желанію, а изъ мѣропріятій вырастаетъ для женскаго пола, совсѣмъ неожиданнымъ сюрпризомъ, какая-нибудь новая житейская каторга, горшая прежнихъ. И сатана, гуляя по своему аду, полъ въ которомъ, какъ извѣстно, вымощенъ добрыми намѣреніями, — послѣ каждаго съѣзда или конгресса о проституціи, все крѣпче, все съ большею самоувѣренностью топаетъ копытами по тому мѣсту, гдѣ похоронены сотни разрѣшеній вопроса о падшихъ женщинахъ, язвительно смѣется и приговариваетъ:

— Вотъ гдѣ у меня основательно, густо вымощено!

Борьба съ распространеніемъ проституціи, обыкновенно, проектируется съ двухъ точекъ отправленія: этиче-

ской—для самихъ жертвъ проституціи, медицинско-профилактической—для общества, въ средѣ котораго проституція развивается, служба показательницею его, какъ принято выражаться, темперамента. Въ дополненіе къ отвѣтамъ на эти главные устои вопроса, ищутся разгадки второстепенныхъ осложненій, изъ него истекающихъ; въ томъ числѣ, съ особеннымъ усердіемъ предлагается дилемма объ улучшеніи быта проститутки, объ охранѣ ея чловѣческихъ и гражданскихъ правъ, словомъ, такъ сказать, о защитѣ ея отъ жестокаго обращенія. Опять-таки—прекрасныя, истинно гуманныя задачи: и упражняться въ рѣшеніи подобныхъ житейскихъ шарадъ—благороднѣйшее занятіе для мыслителя благонамѣреннаго и любвеобильнаго. Но сатана, все-таки, топочеть копытами, смѣется и восклицаетъ:

— Нѣтъ, господа, —это мѣсто у меня надежно, крѣпко вымощено!

Я зналъ въ жизни своей очень много членовъ разныхъ обществъ покровительства животнымъ, въ томъ числѣ иныхъ очень дѣятельныхъ, —но только одного, который покровительствовалъ имъ дѣйствительно и вполнѣ послѣдовательно. Онъ сдѣлался вегетаріанцемъ, всегда и всюду ходилъ пѣшкомъ и не держалъ въ домѣ своемъ ни кота, ни собаки. Этотъ чловѣкъ устранилъ себя отъ потребностей въ животномъ мірѣ, и тогда животный міръ получилъ нѣкоторую гарантію, что онъ не будетъ терпѣть отъ этого чловѣка жестокаго обращенія, по крайней мѣрѣ, вольнаго потому что, вѣдь, въ концѣ-то концовъ, все наше отношеніе къ животнымъ—сплошь жестокое, даже когда мы считаемъ его кроткимъ. Нельзя съ нѣжностью лобанить быка, хотя бы на самой усовершенствованной бойнѣ, нельзя мягко-сердечно перерѣзать горло барану и отрубить голову индюку; нельзя воображать, будто доставляешь необычайное наслажденіе лошади, впрягая ее въ вагонъ конно-железнодорожной дороги; и хотя гастрономы утверждаютъ, будто карась

любить, чтобы его жарили въ сметанѣ, однако врядъ ли они отъ караса это слышали. Не быть жестокимъ по отношенію къ животнымъ можетъ только то общество, которое въ состояніи обходиться безъ животныхъ. Всякое иное покровительство животнымъ заботится не о благополучіи животнаго міра, а объ успокоеніи первной чувствительности общества человѣческаго, объ умиротвореніи поверхностными компромиссами человѣческой совѣсти, внутреннимъ голосомъ своимъ протестующей въ насъ противъ грубыхъ формъ эксплуатаціи живого, дышущаго существа. Защищая истязуемое или напрасно убиваемое животное, мы оберегаемъ не его, но собственный нравственный комфортъ, собственное самодовольство. Если въ оправданіе истязанія или убійства животнаго имѣется хоть маленькій, понятный и выгодный человѣку предлогъ, оно уже не считается ни истязаніемъ, ни напраснымъ убійствомъ. Научные интересы—достояние немногихъ: поэтому тысячи людей возмущаются до глубины души откровенными жестокостями вивисекціи, цѣлей которой они не понимаютъ. Вкусовые интересы доступны всѣмъ: поэтому тѣ же тысячи людей не смущаются ѣсть раковъ заживо сваренныхъ въ кипятокъ, и требуютъ, чтобы кухарка сѣбла налима предъ закланіемъ его въ уху, такъ какъ отъ сѣченія налима «огорчается», и вкусная печенка его распухаетъ.

Прощу извиненія за грубоватую аналогію, но мнѣ кажется, что въ вопросѣ о проституціи мы весьма недалеко ушли отъ сомнительной условности общества покровительства животнымъ. Вопросъ ставится совершенно на тѣ же шаткія основы компромиссовъ между безусловнымъ и неизбѣжнымъ зломъ общественнаго явленія и его условною, житейски-практическою «пользою».

Мы хотимъ остановить распространеніе проституціи, для начала, обуздать паглую торговлю живымъ товаромъ. Очень хорошо будетъ, если переловятъ разныхъ

аферистовъ и аферистокъ, промышляющихъ бѣлыми невольницами на проституціонномъ рынкѣ, если затруднять кандидаткамъ въ проституцію доступъ къ позорному ремеслу и т. д. Но я не думаю, все-таки, чтобы всѣ эти палліативы стоили названія борьбы съ распространеніемъ проституціи и чтобы, даже при самомъ тщательномъ проведеніи ихъ въ жизнь, проституція перестала распространяться: ростъ ея не отъ нея зависитъ, и остановится онъ и пойдетъ на убыль не отъ тѣхъ искусственныхъ мѣръ, какими мы воображаемъ упорядочить рыночное предложеніе проституціи, но только и исключительно отъ этическихъ, социальныхъ, экономическихъ, реформъ, которыя, преобразовавъ фізіономію современнаго общества, естественнымъ путемъ уничтожатъ проституціонный рынокъ или, по крайней мѣрѣ, понизятъ на немъ спросъ. Пусть общество не нуждается или какъ можно меньше нуждается въ проституткѣ, и промыселъ самъ собою сведется на нѣтъ, фатально исчезнетъ, ликвидируется. Проститутка—рабочая на половой инстинктъ. Трудъ ея подчиненъ тѣмъ же законамъ роста, какъ и всякій трудъ: гдѣ есть въ немъ потребность, онъ развивается; гдѣ падаетъ потребность,—тамъ замираетъ, сокращается, уничтожается и онъ. Въ состояніи ли общество, при современныхъ условіяхъ своего быта, отказаться отъ обладанія этимъ женскимъ классомъ, отъ спроса на его услуги? Дѣйствительность говоритъ: вѣтъ, не въ состояніи. Тогда не будемъ и хвалиться столь громкими предпріятіями, какъ борьба съ проституціей. Условимся лучше замѣнить широкія задачи просто выработкою кое-какихъ внѣшнихъ приличій, чтобы обществу было не столь зазорно и опасно пользоваться жертвами своего темперамента и, воспользовавшись, потомъ смотрѣть имъ въ глаза,—чтобы свинство спроса вуалировалось благовидностью и законмѣрностью предложенія.

— Злополучная падшая женщина! порочная и несчастная торговка собственнымъ тѣломъ! Отвѣтствуй намъ: что

ты за сфинксъ неразрѣшимый? Мы учреждаемъ для тебя исправительныя пріюты: тебя въ нихъ не заманишь и калачомъ, а, заманутая, ты бѣжишь изъ нихъ, куда глаза глядятъ, только бы уйти. Мы учреждаемъ для надзора за тобою врачебно полицейскую инспекцію: ты обращаешь ее въ вѣдомство, за покровительство коему муза трагедіи спорить съ музою оперетки. Мы арестуемъ, судимъ, сажаемъ въ тюрьмы, ссылаемъ твоихъ развратителей и рабовладѣльцъ... и эта гидра неистребима, на мѣсто каждой отрубленной головы ея вырастають три новыхъ. Только-что зацпили тебя отъ жестокой, наглой эксплуатаціи, а ты уже опять по уши увязла въ ней, и опять вся, какъ паутиною, опутана долгами, контрактами, условіями разныхъ агентовъ и агентшъ, сводниковъ и сводней. Ужели ты неисправима? Ужели тщетны наши усилія, и милъ тебѣ развратъ для разврата, и пельзя тебя отвлечь отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни честною молитвою? Однако, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ насъ увѣряють неподдѣльные знатоки сердца человѣческаго, что ты—самое несчастное и страдающее существо въ подлунномъ мірѣ, что ты ужасаешься самой себя, льешь о себѣ покаянныя слезы, что ты—Соня Мармеладова, святая душа въ оскверненномъ тѣлѣ. Если такъ, опомнись, Соня Мармеладова! Брось стези порока, по коимъ водить тебя продажный развратъ, и возвратись на путь добродѣтели, куда мы тебя великодушно призываемъ...

Соня Мармеладова отвѣчаетъ:

— Я со всею готовностью-съ... Но, вѣдь, вступивъ на путь добродѣтели, стоять на немъ неподвижнымъ столбомъ невозможно-съ, а надо по оному пути идти впередъ, далѣе, въ текущую жизнь-съ?

— Конечно!.. Мы поведемъ тебя! Мы просвѣтимъ тебя! Мы покажемъ тебѣ прямую дорогу!

— Чувствительнѣйше благодарна. Только вотъ что скажу вамъ, милостивые государи мои: чтобы идти,—тамъ

ли, сямъ лд,—впередъ, нужны средства-силенки. А у меня и на пути порока часто подкашиваются ноги отъ голодухи. Такъ боюсь, что на пути добродѣтельномъ-то я и вовсе паду, какъ заѣзженная кляча-сь... вотъ какъ надорвалась, царство ей небесное, Катерина Ивановна, покойная мачеха моя, ежели изволите ее помнить.

Этическія воздѣйствія—сила хорошая, но и они—палка о двухъ концахъ. Нѣтъ на свѣтѣ книги болѣе свѣтлой, благой, братолюбивой, чѣмъ Евангеліе Христово. И, однако, я зналъ человѣка, который изъ всего Евангельскаго содержанія любилъ только одинъ стихъ, потому что толковалъ его, какъ благословеніе на ненависть къ человѣчеству. Былъ онъ парень гордый, рабочій, нищій, не попрошайка. Остался, послѣ болѣзни, безъ мѣста, перебивался, чѣмъ и какъ могъ, жилъ въ углахъ; наконецъ, силъ не стало: протягивай руку за подаваніемъ, либо околѣвай. И вотъ навернулся благотворитель. Прочелъ истощенному, озлобленному, полубольному, голодному человѣку лекцію о смиреніи, о промыслѣ, о прилежаніи въ трудѣ, подарилъ Евангеліе, пожалѣлъ, что «нѣтъ у меня для васъ никакой работы», далъ рубль денегъ и исчезъ. Изъ рубля у парня три четвертака отняла за долгъ хозяйка угла, гдѣ онъ сгивалъ, четвертакъ онъ проѣлъ—а, четверо сутокъ спустя, подобрали его на Даниловомъ кладбищѣ, за Москвою, въ тифѣ, и отвезли въ больницу. Натура была сильная: выдержалъ. Врачи заинтересовались интеллигентомъ, который чуть не умеръ отъ голода, поддержали его кое-какою работою; онъ сталъ на ноги, вышелъ въ люди и впослѣдствіи былъ извѣстенъ въ адвокатурѣ, какъ... рвачъ самой жестокой и безсовѣстной марки. И однажды, въ интимномъ и очень бурномъ разговорѣ на благотворительную тему, въ которой онъ былъ близко и пехорошо заинтересованъ, онъ крикнулъ мнѣ, пишущему эти строки, жестокія, самозабвенныя слова:

— Что вы попрекаете меня христіанствомъ, Евангеліе

въ примѣръ приводите? Что вы въ немъ понимаете? Что вы можете понимать? Вы читали Евангеліе въ теплой комнатѣ, сытый; а я—на Даниловомъ кладбищѣ, подъ осеннимъ дождемъ, съ пустымъ брюхомъ... Помню-съ: «алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня»... А потомъ я продалъ Евангеліе кладбищенскому шичему за пятакъ, а силы пойти; чтобы себѣ хлѣба купить, мнѣ уже не достало, и я легъ на могильную плиту и сталъ умирать... Вотъ и все мое Евангеліе. «Алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня». Помню это,—и довольно съ меня. Тутъ цѣлое міровоззрѣніе!

Если бы всѣ господа благотворители хорошо помнили этотъ стихъ, они никогда не посмѣли бы давать Евангеліе въ руки голоднымъ людямъ, прежде чѣмъ ихъ накормить.

Такъ, вотъ, я думаю, что и съ этическими воздѣйствіями на міръ падшихъ женщинъ мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ алкать и жаждать, а мы не сумѣемъ накормить и напоить ихъ иначе, какъ при условіи продолженія ими той же профессіи, отъ которой мы беремъ ихъ спасать.

Мнѣ скажутъ:

— Позвольте. Однѣ изъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ программы къ борьбѣ съ проституціей въ томъ и заключается, что мы предлагаемъ падшей женщинѣ замѣнить добычу труда позорнаго заработкомъ труда честнаго.

Милостивые государи! Еще разъ повторю: этика— вещь прекрасная. Но вѣдь и политическая экономія— наука недурная. А она, увы! не дѣлитъ труда на позорный и честный, но лишь на легко добывающій и трудно добывающій, при чемъ учить, что благо, добытое трудомъ легкимъ, натурѣ человѣческой свойственно предпочитать благу, добытому трудомъ тяжкимъ, и что трудовой идеалъ человѣчества—отнюдь не въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, выбиравъ его изъ волчцовъ и тернія, но нап-

большая заработная выгода при наименьшей затратѣ рабочей силы. И еще: однажды обладавъ какимъ-либо благомъ, человѣкъ не легко примируется съ его лишеніемъ и очень туго соглашается на сбавку блага. И потому-то позорный, но легкій, по доходности, промыселъ проститутки побѣждаетъ честные, но тяжелые и маловыгодные виды женскаго труда. Потому-то проститутка, извлеченная изъ дома терпимости, или отъ тайной эксплуататорши-хозяйки и опредѣленная къ какому-нибудь утомительно-рабочему, а тѣмъ паче къ «черному» мѣсту, почти обязательно обращается чрезъ нѣкоторое время вспять, оказывается рецидивисткою. И до тѣхъ поръ, пока нравственный уровень нашего общества не поднимется настолько, что честные виды женскаго труда будутъ цѣниться, если не вровень, то хоть въ одну треть заработка проститутки, до тѣхъ поръ я сильно опасюсь, что кадры вреднаго злополучнаго класса не будутъ задержаны въ прогрессивномъ ростѣ своемъ ни нравственными воздѣйствіями, ни полицейскими мѣрами.

Если хотите, чисто-проституціоннаго вопроса не существуетъ вовсе. Есть только вѣчный, жгучій вопросъ женскаго подчиненія и женскаго труда, одною изъ болячекъ котораго является проституція. Мы видимъ въ ней аномалію, и она, дѣйствительно, является аномаліей въ общественномъ укладѣ христіанскаго государства, но аномаліей не самостоятельной, а производной, уродливою вѣтвью отъ уродливаго корня, а не корнемъ. Очень хорошо заботиться о томъ, чтобы женщины въ проституцію не совращали, а совращенныхъ не обижали. Но сколько бы реформъ въ этомъ направленіи ни было проведено, всѣ онѣ—только полумѣры безъ успѣха или съ кратковременнымъ, мнимымъ успѣхомъ. Серьезною, коренною реформою можетъ очистить общество отъ проституціи только рѣшительная, полная переоцѣнка культурою будущаго столь огромной міровой цѣнности, какъ женщина, крутой переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ ея личности, труду, образованію, праву.